

№ 14

М А Й

1908.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

КАКЪ ЖИВОТНЫЯ ЛЕЧАТСЯ.
НОВГОРОДЦЫ (повѣсть).
МАЙСКОЕ УТРО.
НА ДАЛЬНЕМЪ СѢВЕРѢ.
КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.
ГОРСТЬ ПЕСКУ И КОМОЧЕКЪ
ГЛИНЫ.
КАТЯ И СОЛДАТЪ.
АРИѦМОГРАФЪ, ГОЛОВОЛОМКА

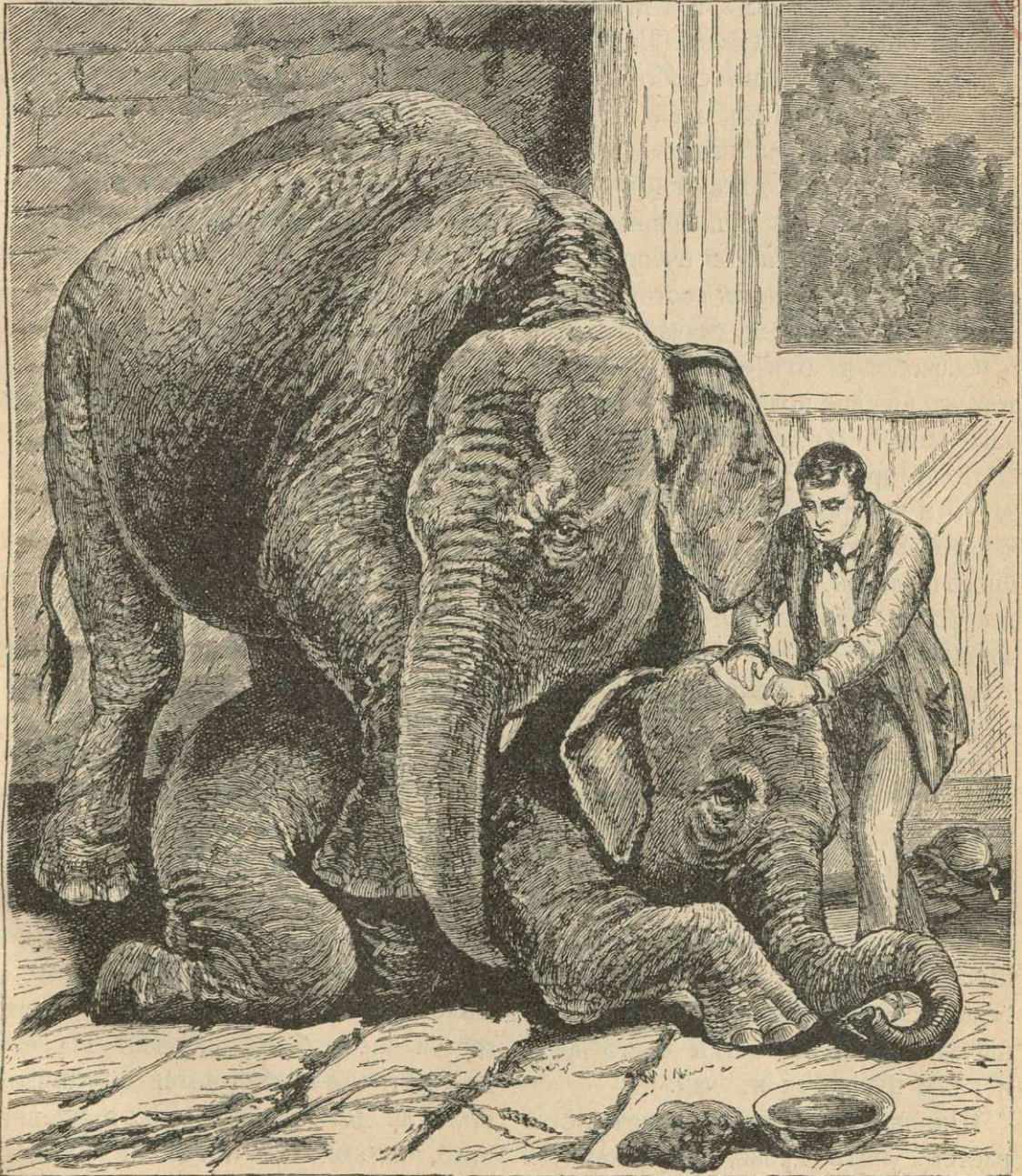
ПРИЛОЖЕНІЯ:

«Въ дѣтской» — статьи для родителей по уходу за здоровымъ и

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Умное животное тотчасъ же поняло, въ чемъ дѣло.

КАКЪ ЖИВОТНЫЯ ЛЕЧАТСЯ.

Мы могли-бы многому научиться у нашихъ четвероногихъ и пернатыхъ друзей, между прочимъ, и тому, какъ лечатъ они свои болѣзни. Если животныя находятся на свободѣ, живутъ своею дикою жизнью, дышутъ чистымъ воздухомъ, пьютъ свѣжую воду и ѣдятъ и дѣлаютъ то, что предназначено имъ отъ природы, то болѣзни у нихъ случаются очень рѣдко; однако и въ свободномъ состояннн они иногда подвергаются случайностямъ и не свободны отъ заболѣваннй, которымъ вообще подвержено тѣло всякаго живого существа. Но всѣ ихъ болѣзни просты и немногочисленны, за то и употребляемыя ими для излеченнй средства такъ-же просты и немногочисленны. Главнѣйшнй-же ихъ лекарства—это полный покой и воздержаннй, и только иногда—нѣкоторыя травы, которыя они сами для себя разыскиваютъ.

Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ животныя отлично знаютъ, что для нихъ полезнѣе, холодъ или тепло, сухость или влажнсть, пребываннй на свѣжемъ воздухѣ, или же въ норѣ и т. д. Страдая лихорадкой, животныя почти совсѣмъ перестаютъ ѣсть, лежатъ безъ движеннй, много спятъ, ищутъ темноты, пьютъ часто воду и даже купаются въ ней.

Шимпанзе, когда его ранятъ, старается унять кровь, прижимая къ ранѣ ладонь или же накладывая на

рану нѣчто вродѣ пластыря изъ травы и листьевъ, которые онъ прикладываетъ въ жованномъ видѣ къ больному мѣсту. Когда животное ранятъ такъ, что у него начинается болтаться какой-нибудь членъ, то оно просто отгрызаетъ его отъ себя зубами и бросаетъ его прочь, точно такъ-же, какъ это дѣлаетъ у людей хирургъ своимъ ножомъ. Но когда животныя уже приручены и начинаютъ вести несвойственную имъ жизнь, то благодаря дурному обращенню съ ними человѣка, а главнымъ образомъ вслѣдствнй потери свободы и новыхъ условнй жизни, они начинаютъ болѣть все чаще и чаще и все опаснѣе и тяжелѣе. Но и въ этихъ случаяхъ они все-таки сами стараются найти для себя желаемое лекарство.

Собаки, кошки, лошади, козы, овцы, коровы и кролики—всѣ онѣ отлично понимаютъ полезность нѣкоторыхъ травъ и растеннй и потому каждый разъ стараются отыскать ихъ и полечиться ими. Собаки вообще презираютъ траву, но кто изъ насъ не видѣлъ, какъ собака на дачѣ вдругъ начинаетъ ѣсть траву?

Бѣдная свинья, постоянно находящаяся въ темномъ хлѣву, подвергается часто болѣзни, очень серьезной, которая излечивается совершенно, если дать свинѣ поѣсть именно того, чего она желаетъ. Ни у одного животнаго на свѣтѣ такъ часто не

разстраивается желудокъ, какъ у свиньи; при этомъ свинья такъ-же теряетъ аппетитъ, какъ и человѣкъ, и самое лучшее леченіе для нея—это дать ей возможность выйти на лугъ или въ поле и пусть она найдетъ тамъ себѣ то, чего хочетъ сама, хотя-бы для этого и пришлось ей изрыть не мало кочекъ и нанести нѣкоторый вредъ травѣ.

Замѣтили, что если собаку укуситъ змѣя, то она по цѣлымъ днямъ потомъ держитъ голову въ текучей водѣ, въ какомъ-нибудь ручьѣ или въ канавкѣ, по которой струится вода, и такимъ образомъ находитъ себѣ излеченіе въ холодныхъ примочкахъ. Собака, попавшая подъ карету и полувившая отъ этого ушибы, цѣлыя три недѣли пролежала въ неглубокомъ ручейкѣ, куда ей приносили пищу, пока она не выздоровѣла тамъ совсѣмъ. Одному фоксъ-террьеру ранили глазъ; тогда онъ залѣзъ подъ прилавокъ въ лавкѣ, подальше отъ свѣта и тепла, тогда какъ раньше только и дѣлалъ, что цѣлыми днями грѣлся на солнцѣ или у камина; онъ ничего не ѣлъ и то и дѣло лизалъ себѣ лапу и прикладывалъ ее себѣ къ больному глазу до тѣхъ поръ, пока глазъ не выздоровѣлъ окончательно.

Всѣ мы знаемъ, какъ кошки не любятъ воды, однако-же извѣстенъ случай, когда кошка, чтобы залечить себѣ рану, цѣлые 48 часовъ простояла подъ дождемъ.

Съ самаго ранняго дѣтства животныя привыкаютъ вѣрить въ бла-

городство людей и думаютъ, что рука человѣка, которая ихъ кормитъ, неспособна причинить имъ ничего злого даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы прямо намѣрены нанести имъ ударъ или причинить имъ страданія. И стоитъ только животному получить хоть разъ отъ человѣка изцѣленіе отъ болѣзни, какъ благодарности его не бываетъ конца и оно всю свою жизнь признательно виляетъ передъ нимъ хвостомъ или другими способами изъявляетъ ему свою благодарность.

Не такъ давно одинъ врачъ замѣтилъ на улицѣ одну маленькую собачку, которая дрожала отъ боли и сидѣла прижавшись къ стѣнѣ дома. Когда онъ ласково заговорилъ съ ней, то она стала лизать ему руки и поползла затѣмъ вслѣдъ за нимъ, пока не достигла вмѣстѣ съ нимъ его квартиры. Здѣсь онъ перевязалъ ей ея рану на ногѣ, которая причиняла ей тяжкія страданія. Виляя хвостомъ, она ушла отъ него и съ этого дня аккуратно каждое утро являлась къ нему благодарить его за леченіе. Но этимъ дѣло еще не ограничилось: она стала водить къ нему цѣлыя толпы другихъ больныхъ собакъ, которыхъ доктору тоже пришлось лечить, и то и дѣло его видѣли потомъ на улицѣ, окруженнаго со всѣхъ сторонъ собаками, которыя ластились къ нему, виляли хвостами и лизали ему руки. Такъ продолжались цѣлыя недѣли.

Примѣръ такого трогательнаго довѣрія къ человѣку, который умѣетъ лечить, представляетъ намъ случай,

когда у одной слонихи заболѣлъ ея сынъ-слонъ. Она настаивала на томъ, чтобы онъ вытерпѣлъ гораздо болѣшя страданія, чѣмъ испытывалъ отъ болѣзни, чтобы впослѣдствіи избавиться отъ нея совершенно. Этотъ ея сынъ, молодой слонъ, былъ раненъ на войнѣ въ голову и эта рана причиняла ему такія страданія, что онъ не подпускалъ къ себѣ даже своего хозяина. Тогда хозяинъ знаками и словами объяснилъ его матери-слонихѣ, что онъ хочетъ сдѣлать съ ея сыномъ. Умное животное тотчасъ-же поняло, въ чемъ дѣло, схватило слона хоботомъ, повалило его на землю и такъ и держало его до тѣхъ поръ, пока врачъ не наложилъ больному слону на рану пластырь. Отъ тяжкихъ страданій слонъ рычалъ.

Животныя имѣютъ чувство состраданія и къ другимъ заболѣвшимъ животнымъ и даже не изъ той породы, къ которой принадлежатъ сами. Одинъ путешественникъ рассказываетъ, что ему привелось видѣть, какъ въ одной усадьбѣ, на заднемъ дворѣ, хворала собака. Она была привязана къ яслямъ и не могла вовсе бѣгать. На томъ же скотномъ дворѣ жилъ ручной воронъ. Видъ страдавшей собаки такъ тронулъ его, что онъ каждый день прилеталъ къ ней и приносилъ ей или кость, или кусочекъ мяса и часто не дождавъ самъ, чтобы только подѣлиться съ заболѣвшимъ животнымъ.

Примѣрамъ такой жалости нѣтъ конца. Даже самыя мельчайшія насѣкомыя испытываютъ состраданіе къ заболѣвшимъ. Когда муравьи находятъ своего раненаго товарища, то они заботливо вливаютъ ему въ ротъ какую-то жидкость своими ртами, а если онъ не можетъ ходить, то несутъ его домой на себѣ.

Предосторожность есть мать здоровья. Животныя и насѣкомыя, оканчивается, знаютъ это гораздо лучше, чѣмъ мы, грѣшные люди. Благодаря предосторожности, они умѣютъ избѣгать тысячей болѣзней, тогда какъ мы, въ нашей лѣни, роскоши и нерадѣннн о себѣ часто въ раннемъ возрастѣ уходимъ въ могилу. И какъ-бы слѣдовало человѣку поучиться у животныхъ тому, что главное леченіе отъ всѣхъ болѣзней заключается не въ лекарствахъ, а въ чистотѣ, въ добрыхъ нравахъ, въ чистомъ воздухѣ, въ играхъ и упражненіяхъ, въ умѣренности и закаливаніи себя отъ непогоды. Но увы!—человѣкъ держитъ себя такъ, что и несчастныя созданія—животныя, которыхъ онъ воспитываетъ при себѣ, обречены вмѣстѣ съ нимъ испытывать тѣ-же несчастія, которыя испытываетъ и онъ самъ. И все это потому только, что человѣкъ отступилъ отъ тѣхъ правилъ жизни, которыя преподаль ему Создатель.

Изъ Э. Коррингтонъ.

НОВГОРОДЦЫ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Въ густотѣ дремучаго лѣса, на берегу великаго озера Ильменя, жилъ благочестивый отшельникъ Θεодосій, дѣдъ Марѳы посадницы, нѣкогда знатнѣйшій изъ новгородскихъ бояръ. Онъ семьдесятъ лѣтъ служилъ отечеству мечемъ и совѣтомъ и наконецъ захотѣлъ служить Богу въ тишинѣ пустыни; торжественно простился онъ съ народомъ на вѣчѣ, видѣлъ слезы своихъ согражданъ, самъ плакалъ отъ умиленія и вышелъ изъ города.

Уже давно онъ жилъ въ пустынѣ и только два раза въ годъ могла приходиться къ нему Марѳа и бесѣдовать съ нимъ о судьбѣ Новгорода.

Сойдя съ лобнаго мѣста при звукѣ набата, она спѣшила къ нему со своимъ воспитанникомъ юнымъ Мірославомъ, и нашла его, стоящаго на колѣняхъ передъ уединенною хижинною: онъ совершалъ вечернюю молитву.

— Молись, старецъ! сказала она: буря угрожаетъ Новгороду.

— Знаю,—отвѣчалъ пустынный и съ горестью указалъ на небо.

Густая туча висѣла надъ Новгородомъ, и изъ нея сверкали молніи и вылетали огненные шары. Вороны станицами вились надъ золотыми крестами храмовъ, какъ будто бы въ ожиданіи скорбной добычи. Лютые звѣри

выли во мракѣ лѣса и древнія сосны трещали на корняхъ... Марѳа твердымъ голосомъ сказала пустыннику:

— Если бы все небо запылало и земля заколебалась подъ моими ногами, то и тогда я бы не утратилась; если Новгороду суждено погибнуть, то развѣ я могу думать о своей жизни?

И она сообщила ему все, что передъ тѣмъ произошло.

Старецъ обнялъ ее:

— Великая дочь моего сына! сказала онъ съ умиленіемъ.—Послѣдняя отрасль нашего славнаго рода! — Я все еще люблю славу и вольность Новгорода, но душа моя содрогается: я предвижу бѣдствія...

— Всѣ граждане въ моихъ рукахъ, отвѣчала ему Марѳа,—они не покорятся Іоанну... Я могу собрать многочисленное войско, готовое его отразить; нужно только поручить его надежному вождю, смѣлому и рѣшительному; моего мужа уже нѣтъ въ живыхъ, сыновья не храбры: они могутъ умереть за отечество, но они не герои.

— Кого-же ты пошлешь сражаться съ Іоанномъ? спросилъ пустынный.

— Вотъ этого юношу! отвѣтила Марѳа и указала на Мірослава.

Онъ снялъ свой пернатый шлемъ; вечерняя заря и блескъ молніи освѣ-

щали величественную красоту его. Θεодосій съ удивленіемъ смотрѣлъ на юношу.

— Никто не знаетъ его родителей, продолжала Марѳа;— онъ былъ найденъ въ пеленкахъ на ступеняхъ лобнаго мѣста и воспитанъ мною. Мой мужъ умеръ въ его объятіяхъ. Онъ сирота. Онъ одинокъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Я вручаю ему судьбу всего, что для меня дороже всего въ мірѣ: это вольность и Ксенію! Онъ будетъ мужемъ моей дочери! Онъ не долженъ быть чуждымъ нашему роду Борецкихъ. Онъ клянется побѣдою или смертію оправдать мое довѣріе. Благослови-же, святой отецъ, волю матери, которая болѣе своей дочери Ксеніи любитъ одинъ только Новгородъ!

Θеодосій обнялъ юношу; они вошли въ хижину, гдѣ горѣла лампада. Старецъ дрожащею рукою снялъ булатный мечъ, висѣвшій на стѣнѣ, и вручилъ его Мірославу.

— Вотъ послѣдній остатокъ мірской славы въ жилищѣ отшельника! сказалъ онъ. Я хотѣлъ сохранить его на память, но отдаю его тебѣ!

Мірославъ принялъ отъ него мечъ съ благоговѣніемъ и преклонилъ передъ нимъ колѣно. Марѳа долго еще говорила съ Θεодосіемъ о силахъ князя Московскаго, о вѣрныхъ и невѣрныхъ союзникахъ Новгорода и наконецъ сказала юношѣ:

— Возвратимся; буря уже утихла!

Старецъ проводилъ ихъ съ молитвою и они ушли.

Восходящее солнце озарило первыми лучами своими на лобномъ мѣстѣ посадниці, окруженную народомъ. Она держала за руку Мірослава.

— Народъ! говорила она. — Вотъ витязь для Великаго Новгорода. Его рожденіе скрывается во мракѣ; но онъ мой питомецъ и сердце его бьется при имени свободы. Вамъ извѣстны его подвиги... Сограждане! я признаю Мірослава достойнымъ вождемъ новгородскимъ!..

Народъ поднялъ вверхъ руки и закричалъ:

— Избираемъ! Избираемъ!

И Мірославъ былъ избранъ...

— Да здравствуетъ юный вождь силъ новгородскихъ! закричали граждане, и юноша со смиреніемъ преклонилъ голову. Бояре осѣнили его знаменами. Старшина вручилъ юношѣ золотой жезлъ начальства. Старосты пяти концовъ новгородскихъ стали предъ нимъ съ сѣкирами, и тысяцкіе стали скликать войска. Затѣмъ послышались трубы и литавры. Онѣ возвѣстили, что идутъ иностранные купцы, жившіе въ Новгородѣ. Музыканты, въ шелковыхъ красныхъ мантияхъ, шли впереди; за ними шествовали граждане нѣмецкихъ вольныхъ городовъ: Бремена, Любека, Штеттина и Гамбурга по два въ рядъ, всѣ въ богатой одеждѣ, и несли на серебряныхъ блюдахъ золотые слитки и драгоценные камни. Они приблизились къ лобному мѣсту и поставили блюда на его ступени. Членъ отъ города Любека сказалъ народу:

— Граждане и чиновники! вольные люди нѣмецкіе узнали, что сильный врагъ угрожаетъ Новгороду. Мы давно торгуемъ съ вами и умѣемъ помогать друзьямъ въ нуждѣ. Вотъ вамъ наши дары; вмѣсто нихъ мы просимъ отъ васъ оружія и дозволенія сражаться подъ новгородскими знаменами. Насъ здѣсь 700 человекъ и всѣ мы выйдемъ въ поле—и умремъ или побѣдимъ вмѣстѣ съ вами!

Народъ съ благодарностью принялъ ихъ предложеніе. Затѣмъ самъ Мірославъ роздалъ имъ оружіе и они составили особенный легіонъ; Марѳа назвала его «дружиною великодушныхъ», и граждане общимъ восклицаніемъ подтвердили это имя.

Среди шумныхъ воинскихъ приготовленій день склонялся къ вечеру,— а юная Ксенія, сидя подъ окномъ своего терема, съ любопытствомъ смотрѣла на движеніе народа: оно казалось чуждымъ ея спокойному, кроткому сердцу!.. Воспитанная въ простотѣ древнихъ славянскихъ нравовъ, она умѣла наслаждаться только одною своею жизнью и ничего болѣе не желала. Любить мать и свято исполнять ея волю, любить братьевъ и ласками доказывать имъ свою нѣжность, было единственною потребностью ея кроткой души. Но судьба захотѣла ввергнуть ее въ пучину событий и, прелестная какъ роза, она должна была безропотно ей подчиниться...

Отворяется дверь уединеннаго терема, и служанки входятъ съ бога-

тымъ нарядомъ: подаютъ Ксеніи алую одежду, жемчужное ожерелье, серьги изумрудныя; онѣ говорятъ, что это отъ ея матери Марѳы, и дочь, всегда послушная, спѣшитъ нарядиться, не зная, для чего. Скоро приходитъ Марѳа, смотритъ на Ксенію, смягчается душою и даетъ волю своимъ слезамъ. Можетъ быть, тайное предчувствіе въ эту минуту омрачило ея сердце; можетъ быть, дочь казалась ей несчастною жертвою, украшеною для смерти! Долго не могла она говорить, прижимая къ сердцу дочь, и затѣмъ глубоко вздохнула.

— Ксенія! сказала она наконецъ: сегодня счастливѣйшій день въ твоей жизни; твоя мать избираетъ тебѣ супруга! Ты должна сейчасъ обвѣнчаться съ Мірославомъ!

И она повела ее въ Софійскій храмъ.

Уже народъ узналъ откуда-то объ этомъ бракѣ, выражалъ свою радость и шумными толпами провожалъ Ксенію до храма, а она шла изумленная, встревоженная, не зная, что дѣлать, что говорить...

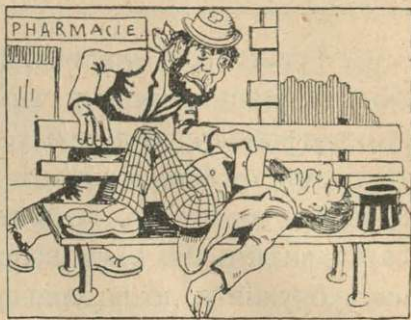
Но вотъ уже Ксенія стоитъ предъ алтаремъ рядомъ съ Мірославомъ; уже совершается торжественный обрядъ; вотъ уже ихъ повѣнчали; но она еще ни разу не взглянула на того, кто долженъ быть отнынѣ ея мужемъ... Затѣмъ епископъ Теофиль благословилъ новобрачныхъ. Ксенія рыдала въ объятіяхъ матери, а она съ нѣжностью обнимала свою дочь и Мірослава и въ то же время при-

1. Англичанин Плумь-Пуддингъ въ радостномъ настроеніи возвращался изъ гостей домой,—

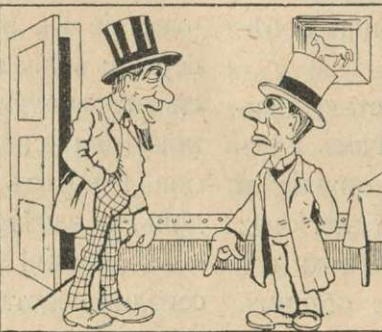
2. — но вскорѣ свалился и заснулъ на улицѣ съомъ праведника.

3. А жуликъ ужъ тутъ, какъ тутъ, и вытащилъ у Плумь-Пуддингъ его бумажникъ.

4. Проснувшись и не найдя при себѣ своего бумажника, Плумь-Пуддингъ отправился къ начальнику сыскной полиціи сэру Ростбифу

5. Завтра же вашъ бумажникъ будетъ здѣсь! сказалъ ему Ростбифъ.—Мы найдемъ его.

6. И призвавъ къ себѣ сыщика Бифштекса, сэръ Ростбифъ сказалъ ему:—

7. — „Ты одѣнешся женщиной и возьмешь корзину,

8. — „я сяду въ эту корзину и...

9. „ты снесешь меня на ту самую скамью, гдѣ былъ обокраденъ Плумь-Пуддингъ—

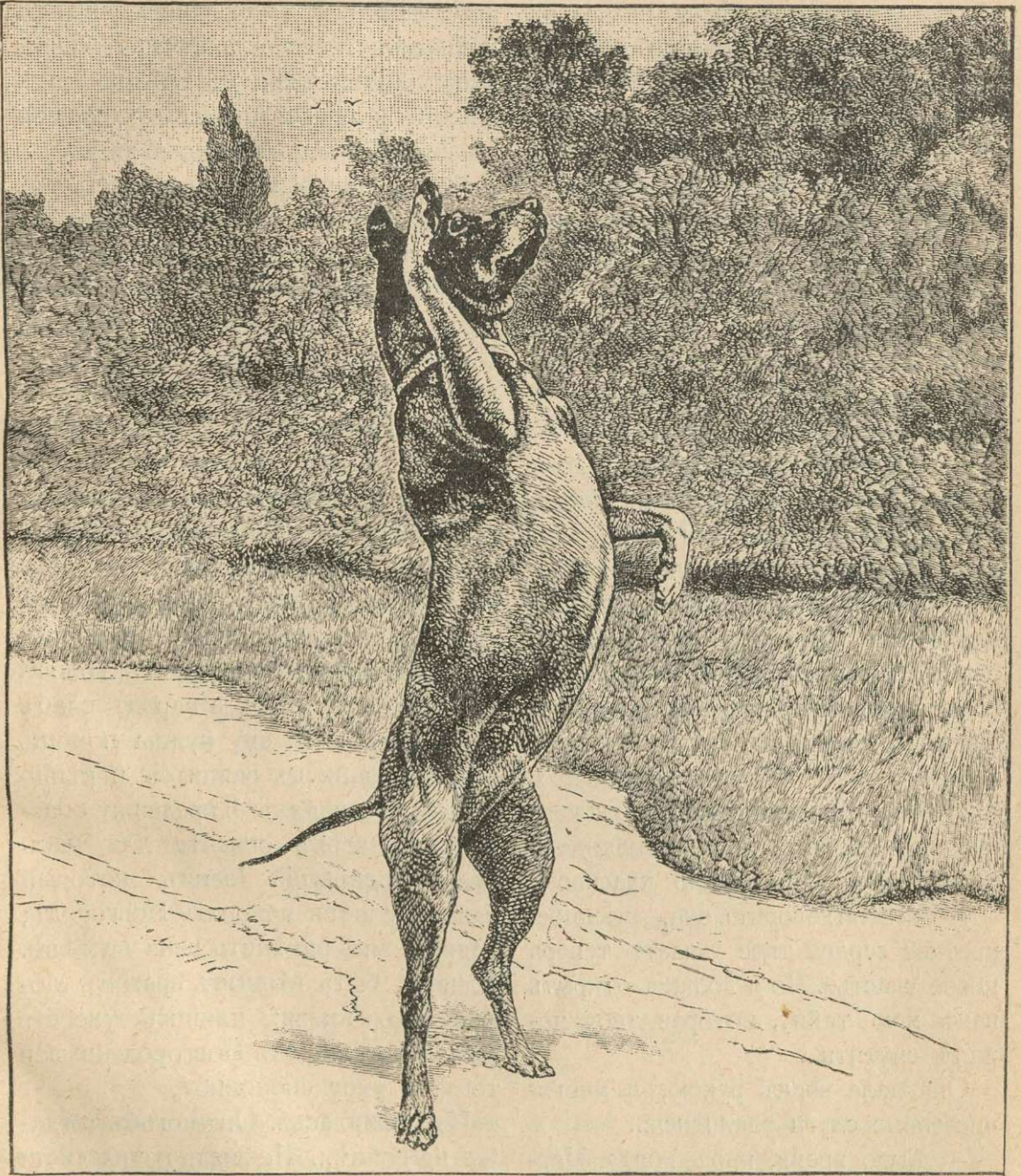
10.тамъ ты притворишься, что спишь. Воръ обязательно придетъ туда воровать во второй разъ и я поймаю его“.

11. Такъ оно и случилось. Воръ подкрался къ сэру Бифштексу и укралъ его корзину.

12. Каково же было удивленіе вора, когда въ корзинѣ оказался самъ начальникъ сыскной полиціи!

Радъ стараться!

нимала съ величіемъ . поздравленія дорогу; женщины усыпали ее цвѣ-
чиновниковъ. Затѣмъ вышли изъ тамъ до самыхъ воротъ посадницы.
храма и народъ далъ новобрачнымъ Мірославъ велъ Ксенію, впереди шла

Марѳа, а за нею слѣдовали два ея сына. Музыканты шли вдали и играли на гармоническихъ инструментахъ. Граждане забыли опасность и войну; веселье сіяло на лицахъ; и всякій отецъ, смотря на величественнаго юношу, гордился бы имъ какъ сыномъ; и всякая мать, видя Ксенію, хвалилась бы ею, какъ своею дочерью; облако всегдашней задумчивости сошло съ глазъ у Марѳы, она смотрѣла на всѣхъ съ привѣтливой улыбкою.

Съ самой кончины мужа Марѳы Исаака Борецкаго домъ его представлялъ собою уныніе и пустоту: теперь онъ снова украсился коврами и богатыми тканями; вездѣ зажглись серебряные свѣтильники и вѣрные слуги Борецкихъ радостными толпами встрѣчаютъ новобрачныхъ. Марѳа садится за столъ со своими дѣтьми; ласкаетъ ихъ, цѣлуетъ Ксенію, и всю душу свою изливаетъ въ искреннихъ разговорахъ. Никогда еще дочь ея не казалась ей такою красивою.

— Ксенія! говоритъ она,—нѣжное, кроткое сердце твое узнаетъ теперь новое счастье. Но я должна открыть вамъ мою тайну, которая тебя можетъ смутить...

Она дала знакъ рукою, и многочисленные слуги удалились...

— Было время, продолжала Марѳа,—когда я жила единственно для семьи, боялась шума и только и ходила, что въ церковь; я не знала ни вольности, ни рабства; не знала, что есть на свѣтѣ счастье и бѣд-

ствіе людей. Но кто теперь узнаетъ мать вашу? Нѣкогда робкая, боязливая, уединенная, съ смѣлою твердостью я предсѣдательствую теперь въ совѣтѣ старѣйшинъ, являюсь на лобномъ мѣстѣ, велю умолкнуть тысячамъ, говорю на вѣчѣ, волную народъ, какъ море; требую войны! Что-же дѣйствуетъ въ душѣ моей? Что меня такъ сразу перемѣнило? Какая сила даетъ мнѣ власть надъ умами согражданъ? Это память о мужѣ моемъ, твоемъ отцѣ Исаакѣ Борецкомъ. Готовый выступить въ поле противъ литовцевъ, онъ казался задумчивымъ, безпокойнымъ, наконецъ открылъ мнѣ свою душу: «Я могу погибнуть въ этой войнѣ, сказалъ онъ,—дѣти наши еще младенцы; съ моею смертию умолкнетъ голосъ Борецкихъ на вѣчѣ, а народъ слабъ и легкомысленъ: ему нужна помощь великой души въ важныхъ и рѣшительныхъ случаяхъ. Я предвижу опасности, и всѣхъ опаснѣе для насъ князь московскій Іоаннъ, который тайно желаетъ покорить Новгородъ; клянись мнѣ замѣнить меня на вѣчѣ. Клянись быть вѣчнымъ врагомъ Московскаго князя; клянись умереть защитницею правъ Новгородскихъ и тогда я умру спокойно».

И я поклялась... Онъ погибъ тогда же на войнѣ... Не знаю, катились ли изъ глазъ моихъ слезы на гробъ его, я о слезахъ не думала, но я должна была исполнить свою клятву и я стала учиться языкамъ и наукамъ и когда я затѣмъ заговорила, то старцы съ

удивленіемъ стали слушать меня; народъ, осыпанный моими благодареніями, полюбилъ и славить меня; чиновники мнѣ вѣрятъ, такъ какъ я думаю только о славѣ Новгорода; враги и завистники... но я презираю ихъ. Всѣ ви-

дятъ дѣла мои; но только вы одни знаете теперь ихъ тайную причину.

Она благословила дѣтей, ушла къ себѣ въ теремъ и заперлась въ немъ; но сонъ не смыкалъ ея глазъ.

По Н. М. Карамзину.

(Продолженіе будетъ).

МАЙСКОЕ УТРО.

Ужъ листвою одѣлись розы,
Забутонился левкой
И красивыя стрекозы
Залетали надъ рѣкой.

Вдалекѣ кричитъ кукушка
Свое звонкое «ку-ку»
И зелененькая мушка
Прилетѣла ужъ къ цвѣтку.

Встанешь рано, солнце свѣтитъ,
На травѣ роса блеститъ,
Крикнешь — эхо такъ отвѣтитъ,
Точно кто-то тамъ сидитъ.

У скворцовъ уже младенцы,
Пѣнье слышится вездѣ...
Схватишь мыло, полотенце
И бѣжишь скорѣй къ водѣ.

И начнешь въ водѣ болтаться,
Мылишь-мылишь кулаки...
Ахъ, какъ сладко умываться
Раннимъ утромъ изъ рѣки!

Кузнечикъ.

НА ДАЛЬНОМЪ СѢВЕРѢ.

Ни одинъ художникъ въ мірѣ не испыталъ столько затрудненій при рисованіи картинъ, какъ Борисовъ. Весь свой талантъ онъ посвятилъ пустынному, но величественному Дальнему Сѣверу. Въ замерзшихъ пустыняхъ Ледовитаго Океана онъ нашель

больше красоты и интереса, чѣмъ въ обыкновенныхъ картинахъ нашей родины. Безлюдныя пространства льда и снѣга, плавучія ледяныя горы и громадные грозные ледники — вотъ предметы, которые онъ рисовалъ на своихъ картинахъ.

«Я всегда мечталъ о томъ, какъ бы попасть на Сѣверный полюсъ и своими собственными глазами увидѣть великія ледяныя поля, говоритъ самъ художникъ Борисовъ. — Еще будучи мальчикомъ, я только и читалъ, что путешествія на Дальній Сѣверъ и восхищался отважными людьми, которые ихъ предпринимали. Они казались мнѣ самыми интересными людьми во всемъ свѣтѣ. Описанія ихъ о томъ, какъ они преодолевали всѣ трудности, попадавшіяся имъ на пути, и какъ мужественно встрѣчались съ опасностями, занимали мое юношеское воображеніе. Я только и думалъ о томъ, какъ бы мнѣ самому увидѣть эти безграничныя пространства льда, въ которыхъ единственными обитателями являются только бѣлые медвѣди и тюлени. Но потребовалось однако еще много лѣтъ, чтобы исполнилось это мое желаніе. Нужно было еще учиться рисованію и я выучился ему. А затѣмъ когда я намекнулъ разъ одному моему пріятелю, что я намѣренъ отправиться на Сѣверный Ледовитый Океанъ, чтобы рисовать бѣлаго медвѣдя и моржей на ихъ настоящей родинѣ, то онъ къ великому моему удовольствію и удивленію, сталъ тотчасъ же собираться въ путь.

«И не прошло много времени, какъ ужъ я и два мои смѣлые, вѣрные спутника отправились на саняхъ къ Полярному кругу. Я никогда не забуду этой экспедиціи. По цѣлымъ часамъ я просиживалъ передъ этими

положительно волшебными картинами, которыя представляли собою Полярныя страны. Вы и понятія не имѣете о той красотѣ и о тѣхъ краскахъ, которыми отличаются великія ледяныя поля за Полярнымъ кругомъ. Конечно, тамъ очень холодно и для того, чтобы рисовать, приходилось надѣвать очень толстыя мѣховыя перчатки. Но даже и въ нихъ приходилось иногда торопиться съ рисункомъ, потому что на открытомъ воздухѣ почти тотчасъ же замерзали краски. Въ эту первую поѣздку я нарисовалъ болѣе шестидесяти картинъ и по возвращеніи на родину показывалъ ихъ на выставкахъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ.

«Это дало мнѣ небольшія средства и, благодаря имъ, я снова отправился на Сѣверъ. Теперь ужъ я принялся за рисованіе ледяныхъ горъ и нарисовалъ ихъ большое количество. Оказалось, что попасть на ледяныя горы было довольно-таки мудрено. Прежде всего къ нимъ нужно было подѣзжать на небольшой лодкѣ и отгребать веслами снѣгъ, чтобы достигнуть того мѣста, гдѣ могли бы твердо ступить ноги. И чтобы высадиться на ледяной горѣ часто приходилось тратить цѣлые часы, не смотря на помощь четырехъ или шести матросовъ. Это трудная и опасная работа, такъ какъ каждую минуту можно было ожидать, что ледяная гора тронется съ мѣста, или же расколется на мелкіе куски и упадетъ въ море: это повлекло бы за собою

вѣрную смерть. Но тѣмъ не менѣе я нѣсколько разъ взбирался на ледяныя горы и рисовалъ на нихъ, а одинъ разъ, уже совсѣмъ расположившись рисовать, долженъ былъ бросить все и убѣгать, такъ какъ нарвался на бѣлаго медвѣдя.

«По величинѣ и по формѣ ледяныя горы очень различны. Самыя маленькія изъ нихъ часто напоминаютъ собою палатку Араба, а болѣе обширныя бываютъ похожи на корабли, броненосцы, скалы, замки и на цѣлыя горныя цѣпи. Цвѣта ихъ удивительны: то онѣ яркой бѣлизны, то зеленыя и на тѣневой сторонѣ, куда не попадаетъ солнце,—превосходнаго голубого цвѣта отъ отраженія на нихъ неба. Очаровательныя темно-синія полосы иногда пробѣгаютъ черезъ нихъ: это потоки свѣжей воды, замерзшей раньше, чѣмъ образовались эти горы.

«Найдя сбытъ для своихъ картинъ, я рѣшилъ надолго поселиться на островѣ Новая Земля. Это—полярный островъ, лежащій между ужаснымъ Карскимъ моремъ и моремъ Баррента. Въ длину онъ имѣетъ 600 верстъ, а въ ширину такъ узокъ, что рѣдко гдѣ достигаетъ шестидесяти верстъ. Съ помощью Самоѣдовъ я построилъ здѣсь себѣ мастерскую. Это была самая сѣверная мастерская художника на всемъ земномъ шарѣ. Здѣсь, буквально окруженный со всѣхъ сторонъ снѣгами и льдомъ, я нарисовалъ много картинъ при морозѣ въ тридцать градусовъ ниже

нуля. Холодъ былъ иной разъ такъ великъ у меня въ мастерской, что мои кисти ломались отъ него на мелкія части, какъ только я пытался ими рисовать. Да и самое рисованіе причиняло мнѣ много хлопотъ: часто масло въ краскахъ застывало до того, что приходилось бросать ихъ и продолжать рисованіе углемъ или цвѣтными карандашами.

«Пять лѣтъ я аккуратно провелъ на этомъ островѣ, все время занимаясь живописью. Но не довольствуясь этимъ, я совершалъ еще поѣздки, далеко за Сѣверный Полярный кругъ, три раза весной и одинъ разъ въ самую глухую зиму. Конечно, я встрѣтился здѣсь лицомъ къ лицу со многими трудностями и нѣсколько разъ былъ на волосокъ отъ смерти. Цѣлые дни я проводилъ здѣсь на льду и въ снѣгу, потерявъ всю нашу провизію и лишившись прѣсной воды въ блужданіи по предательскимъ плавучимъ льдамъ.

«Мой успѣхъ побудилъ меня предпринять смѣлый планъ, едва не погубившій самого меня и семерыхъ моихъ спутниковъ. На Новой Землѣ до сихъ поръ еще имѣется много неизслѣдованныхъ мѣстъ. Я рѣшилъ нанести ихъ на карту и кромѣ того нарисовать ихъ. Для этой цѣли я посѣтилъ Новую Землю въ октябрѣ 1900 г. на яхтѣ «Мечта», которая была выстроена такъ, что могла выдержать напоръ льда. Мы оставили здѣсь запасы пищи и воды и отправились на яхтѣ черезъ Маточкинъ-

Шаръ, узкій проливъ, раздѣляющій Новую-Землю на два острова, къ Карскому морю. Едва только мы выплыли въ ужасное Карское море, какъ въ зрительную трубу я увидаль бѣлаго медвѣдя, медленно шедшаго по берегу. Мы тотчасъ-же пересѣли въ лодку, которую везли на суднѣ и поплыли къ звѣрю. Великолѣпное животное важно шествовало вдоль берега, повременамъ останавливаясь, чтобы поднять голову и понюхать воздухъ. Захватъ за выдававшійся утесъ, такъ что насъ не стало видно, мы быстро высадились на берегъ и, схвативъ ружья, побѣжали къ медвѣдю. Затѣмъ мы всѣ легли и стали поджидать его приближенія. Прошло нѣсколько минутъ, но звѣрь все не показывался. Мы немного приподнялись и увидѣли сильнѣйшаго звѣря, который несомнѣнно почувалъ насъ по запаху и бросился затѣмъ въ воду, чтобы спастись отъ насъ вплавъ. Тогда мы бросились къ берегу, быстро усѣлись въ лодку и поплыли за нимъ въ догонку. Медвѣдь плыль очень хорошо и потребовалось много усилій, чтобы мы могли его настигнуть. И какъ только мы приблизились къ нему, онъ нырнулъ и надолго скрылся подъ водою. Мы приближались къ нему все ближе и ближе и, наконецъ, сдѣлали по нему два выстрѣла. Животное стало вертѣться вокругъ себя въ водѣ и страшно сопротивлялось. Тогда мы послали въ него еще два выстрѣла. Но мы не могли все-таки знать, попали мы въ

него, или нѣтъ. Зная, какъ умны и сильны бѣлые медвѣди, мы стали ожидать, уже болѣе не приближаясь къ нему, потому что удара одной его лапы было-бы достаточно, чтобы разбить въ щепки нашу маленькую лодку. Но намъ необходимо было его мясо для нашихъ собакъ и потому, подплывъ къ нему на двѣнадцать шаговъ, мы бросили въ него гарпунъ, который съ нимъ и покончилъ. Тогда мы перевезли его на нашу яхту.

«Въ эту поѣздку я имѣлъ цѣлью изслѣдовать противоположный Новой Землѣ берегъ и затѣмъ къ зимѣ возвратиться обратно на островъ. Мы взяли съ собой съѣстныхъ припасовъ на три мѣсяца, всѣ необходимые для путешествія предметы, научные инструменты и мои рисовальныя принадлежности. Проблуждавъ по Карскому морю въ теченіи нѣсколькихъ дней, я къ своему удивленію замѣтилъ, что вмѣсто того, чтобы двигаться на сѣверъ, насъ уносило теченіемъ къ югу, т. е. въ сторону совершенно противоположную той, куда мы стремились. Было совершенно невозможно для нашего корабля идти противъ теченія и я рѣшился выйти изъ него и продолжать далѣе нашъ путь уже на саняхъ и на лодкѣ. Это было самой величайшей моей ошибкой, повлекшей за собою безконечныя страданія. Когда я покидалъ корабль, я рассчитывалъ достигнуть до берега Новой Земли въ одну недѣлю.

«Мы сбились съ пути. Прошло цѣлыхъ три недѣли, но мы отъ на-

шей цѣли были все такъ-же далеко, какъ и въ первый день нашего пути. Далѣе мы потеряли ббльшую часть нашихъ собакъ, тогда какъ взяли съ собой тридцать штукъ. Пришлось побросать дорогой все, что только было возможно. Мы бросили одну изъ двухъ нашихъ лодокъ, сдѣлали двое легонькихъ саней для провизіи и инструментовъ и бодро продолжали нашъ путь. Такъ мы двигались впередъ. Сперва наше путешествіе было легко, а затѣмъ мы вступили въ страну, до такой степени загроможденную льдами, что съ трудомъ пробирались впередъ. То и дѣло приходилось перепрыгивать черезъ трещины во льду и полыньи. Однажды рано утромъ одни изъ нашихъ саней попали въ полынью и скрылись въ ней. Одинъ изъ моихъ людей бросился въ ледяную воду и быстро перерѣзалъ тамъ собачью упряжь, чтобы сани не утянули за собою и собакъ, но намъ удалось спасти только немногихъ.

«Гибель этихъ саней означала то, что мы потеряли почти всю нашу провизію, цѣнные инструменты и мои картины и рисунки. Въ довершеніе всего мы вдругъ поняли, что ледъ, по которому мы совершали нашъ путь, плылъ къ югу и что такимъ образомъ мы все болѣе и болѣе удалялись отъ нашей цѣли. Это было для насъ горькимъ разочарованіемъ. У насъ было только одно желаніе — это добраться до конца льдины, на которой мы плыли, и затѣмъ пере-

плыть на лодкѣ ко льду стоячему, за которымъ мы рассчитывали увидѣть берегъ. Добравшись наконецъ до конца льдины, мы перебросили съ нея всѣ наши принадлежности на громадное ледяное поле, выдающіяся части котораго, встрѣчаясь съ нашей льдиной, дробились на мелкія части. Казалось, что на насъ готова была обрушиться сама природа. Громадныя глыбы льда, вѣсомъ болѣе 300.000 пудовъ каждая, сталкивались одна съ другой, кружились, и съ страшнымъ трескомъ раскалываясь на части, исчезали подъ водой. Только благодаря нечеловѣческимъ усиліямъ мы могли продолжать свой путь, пробираясь въ кипящей безднѣ урывками, когда наступали благопріятные для этого моменты. Въ результатѣ у насъ опрокинулась наша лодка и всѣ наши постельныя принадлежности, послѣдніе остатки нашей провизіи и инструменты пошли ко дну.

«И когда мы наконецъ добрались до постоянного льда, то мои люди до того устали, что я рѣшился отдыхать цѣлый день. На насъ жалко было смотрѣть. Къ ночи поднялся такой вѣтеръ и стало такъ холодно, что мы должны были построить нѣчто вродѣ стѣны изъ нашихъ носилокъ и лодки, чтобы хоть чѣмъ нибудь защитить себя. Мы спали, спрятавъ головы въ лодку, а наши ноги такъ и оставались наружу, едва прикрытые снѣгомъ. Теперь для насъ наступило еще болѣе тяжкое испытаніе: у насъ не было воды. Даже снѣгъ

былъ здѣсь соленый и только еще больше усиливаль жажду. Постепенно мы стали убивать нашихъ собакъ, чтобы кормить ими остальныхъ, и, сказать правду, мои люди съ наслажденіемъ пили изъ нихъ теплую кровь, чтобы хотя немного утолить свою ужасную жажду.

«Путешествіе черезъ это ледяное поле было чрезвычайно затруднительно. Я думаль, что поле это выведетъ насъ прямо на берегъ или-же по близости къ нему, такъ что мы сможемъ потомъ добраться до него на нашей лодкѣ. Однако въ этомъ я жестоко ошибся. Когда мы добрались до конца этого неподвижнаго льда, то оказалось, что до берега было еще далеко, вѣроятно сто или двѣсти верстъ. Мы были отдѣлены отъ него проливомъ изъ быстро-текущей воды, по которой неслись громадныя льдины. Мы стащили съ саней нашу лодку, сѣли въ нее и поплыли черезъ этотъ проливъ до первой льдины. А такъ какъ наша лодка могла вмѣстить въ себя только трехъ пассажировъ, то это значило, что ей нужно было сдѣлать пять переѣздовъ туда и обратно, чтобы перевезти туда всѣхъ.

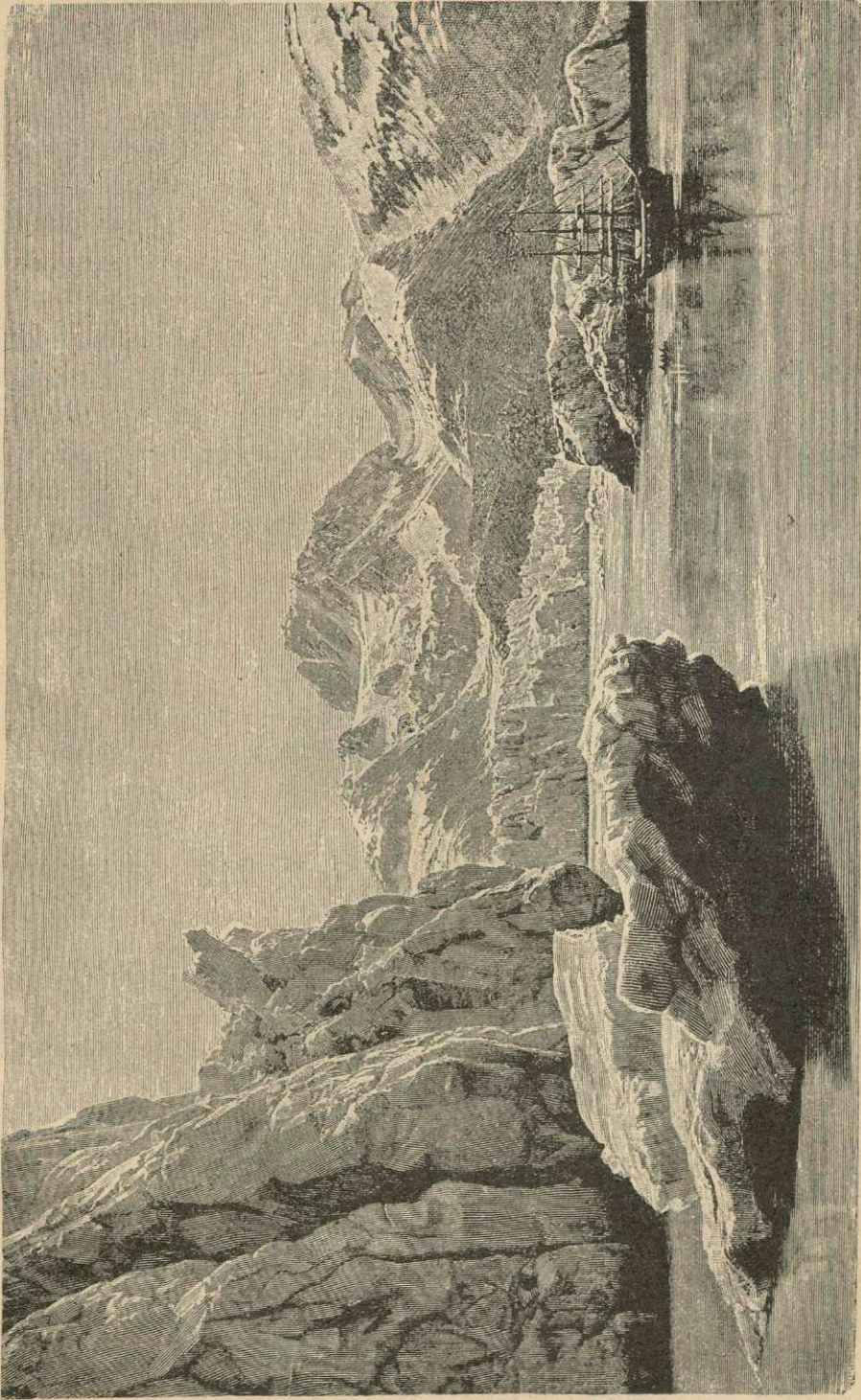
«Переправа съ одной льдины на другую въ этомъ проливѣ была чѣмъ-то ужаснымъ. Нѣсколько разъ мы были на краю гибели. И я предложилъ бросить жребій, кому изъ насъ оставаться на плавучей льдинѣ въ то время, какъ другіе трое отправятся на берегъ. Трое изъ матросовъ были женаты, поэтому я рѣшилъ, что они

должны отправляться на лодкѣ, захвативъ съ собою ружья, карту, компасъ и часть провизіи, и попытаться достигнуть берега. Но едва только я кончилъ говорить, какъ одинъ изъ матросовъ выступилъ впередъ и заявилъ, что ни онъ, ни его товарищи ни подъ какимъ видомъ не отправятся на лодкѣ впередъ и не оставлять насъ на льдинѣ однихъ.

«— Да насъ всю нашу жизнь будетъ мучить совѣсть, сказалъ онъ.— Умирать, такъ умирать всѣмъ, а жребій бросать ни къ чему.

Тогда мы всѣ опустились на колѣни и стали молиться. Позднѣе, днемъ, мы застрѣлили тюленя. Къ этому времени уже всѣ наши собаки погибли. Мы собрали кровь съ убиитаго тюленя въ чашку и жадно ее выпили, а легкія и печенку съѣли сырьемъ. Затѣмъ мы съ трудомъ добыли огня, и сварили мясо тюленя, сперва опустивъ его въ керосинъ, а потомъ изжаривъ въ его-же собственномъ жиру. И я долженъ честно сознаться, что никогда въ жизни своей я не ѣлъ съ такимъ аппетитомъ своего обѣда, съ какимъ ѣлъ тогда отвратительное, вонючее мясо тюленя на плавучей льдинѣ Далекаго Сѣвера.

«Было ясно, что оставаться долѣе на льдинахъ—значило бы умереть и потому мы снова двинулись въ путь. И для насъ потянулись цѣлыя недѣли тяжкихъ страданій. Наконецъ одинъ изъ моихъ матросовъ объявилъ, что онъ слышитъ запахъ дыма.

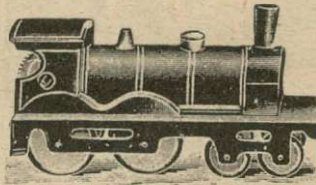
На Дальнемъ Сѣверѣ.

Я мало обратилъ вниманія на это его заявленіе, пока наконецъ сквозь сильнѣйшую зрительную трубу не увидѣлъ вдругъ и самъ самоѣдскій шалашъ, но очень на далекомъ разстояніи, изъ котораго дѣйствительно курился дымъ. Послѣ этого цѣлые шесть часовъ мы потратили на то, чтобы перепрыгивать съ льдины на льдину. Затѣмъ мы стали уже различать и фигуру человѣка, бродившаго по берегу. Я два раза выстрѣлилъ въ воздухъ. Тотчасъ же мнѣ отвѣтили съ берега двумя такими же выстрѣлами. Мы закричали отъ удовольствія и стали отъ радости танцевать. Мы

были спасены! Скоро мы стали переговариваться посредствомъ выстрѣловъ. А потомъ наступилъ густой туманъ и скрылъ отъ насъ нашихъ возможныхъ спасителей. Однако же на утро мы снова увидали ихъ, а затѣмъ они выѣхали за нами на лодкѣ и, подобравъ насъ, доставили насъ на берегъ».

Таковъ былъ разсказъ самого художника Борисова. Его просили написать свои приключенія и издать ихъ книгой. И если онъ это сдѣлаетъ, то это будетъ одно изъ интереснѣйшихъ и захватывающихъ путешествій.

«The B. O. P.».

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи моя дѣточка, спи дорогая!	Сны будешь видѣть подъ ней не про-
Ангель слетѣлъ ужъ къ постелькѣ	стые:
твоей.	Будешь гулять ты въ прекрасномъ
Крылышкомъ ласковымъ сонъ навѣ-	раю,
вая,	Яблочки будешь срывать золотые...
Онъ тебя ряской покроетъ своей.	Спи, моя дѣточка, спи бай-баю!

И не увидишь, какъ скроется ночка,
 Какъ яркое солнышко встанетъ съ утра...
 Спи, моя дѣточка, спи моя дочка,
 Я разбужу, когда будетъ пора!

Ирисъ.

ГОРСТЬ ПЕСКУ И КОМОЧЕКЪ ГЛИНЫ.

Жоржикъ и Оля пили утренній чай. Пришелъ къ нимъ дядя Володя и подсѣлъ къ столу. Дѣти встрѣтили его радостными криками.

— Тише, малыши, не шумите!—ласково остановилъ онъ ихъ, а то большихъ перебудите! Вамъ попадетъ, и мнѣ съ вами за компанію достанется!

— Не хотите ли стаканъ чаю?—предложила ему гувернантка Эмилиа Карловна.

— Съ удовольствіемъ выпью! Благодарю васъ!—отвѣтилъ дядя. — А то я сегодня рано всталъ, много ходилъ, и теперь очень хочется пить!

И взявъ стаканъ и блюдечко, онъ обратился къ Жоржику.

— Передай-ка, братецъ, Эмилиа Карловнѣ эти горсть песку и комочекъ глины! Она мнѣ чайку нальетъ!

Жоржикъ даже ротъ открылъ отъ удивленія.

— Гдѣ же я тебѣ, дядя, песку и глины возьму?—спросилъ онъ.

Дядя улыбнулся.

— А это что?—спросилъ онъ.— Развѣ не видишь?

Посмотрѣлъ Жоржикъ на столъ, потомъ на дядю, и опять на столъ.

— Что ты, дядя, смѣешься надъ нимъ?—вступилась за брата Оля.— Тутъ ни песку, ни глины нѣтъ! Няня при мнѣ скатерть встряхивала!

— Увѣряю васъ, что здѣсь на столѣ нѣсколько горсточекъ песку и комочковъ глины!—засмѣялся дядя, глядя

на серьезныя недоумѣвающія личики Жоржика и Оли.—Развѣ вы не знаете, что каждый стаканъ былъ раньше горстью песку, а каждая тарелка и каждое блюдечко—комкомъ глины?

— Да, что ты, дядя!—закричали дѣти.— Неужели правда? Какъ же это такъ? Расскажи, пожалуйста!

Горшечникъ.

Дядя чуть не залпомъ выпилъ поданный ему стаканъ чаю и началъ свой рассказъ:

— Песокъ и глину, вы, конечно, видѣли.—Ну, такъ вотъ эти самые песокъ и глину свезли на заводы. Тамъ песокъ перемѣшали съ золой, съ долго лежавшей на воздухѣ известью, прибавили битаго, измельченнаго стекла и все это расплавили въ большихъ горшкахъ, въ печахъ. Получилось густое стеклянное тѣсто. Рабочіе взяли по длинной трубкѣ, просунули ихъ въ горшокъ и набрали на конецъ трубки этого стеклян-

Выдуватель стекла.

наго тѣста. Потомъ стали выдувать изъ стекла шары, совершенно такъ же, какъ вы выдуваете изъ соломинки мыльные пузыри. Изъ этихъ шаровъ рабочіе понадѣлали или прямо отъ руки или-же съ помощью формъ стаканы, бутылки, графины и другую стеклянную посуду.

Посуду эту съ завода распродали торговцамъ, которые разставили ее въ своихъ магазинахъ. Въ одинъ изъ этихъ магазиновъ пришла ваша мама, купила дюжину стакановъ и чайный сервизъ. И вотъ всѣ эти горсточки песку очутились передъ вами на столѣ.

— А развѣ блюдечки и тарелки тоже дѣлаются изъ стекла?—спросила Оля.

— Нѣтъ, отвѣтилъ дядя.—Блюдечки и тарелки мастера вылѣпляютъ

изъ бѣлой глины, обжигаютъ ихъ затѣмъ въ печахъ и покрываютъ сверху глазурью, потому что послѣ обжиганія глина становится скважистою и пропускаетъ воду.

— А что такое глазурь?—спросилъ Жоржикъ.

— Это тоже стекло, объяснилъ дядя,—но только въ порошокѣ. Порошокъ разбалтываютъ хорошенько въ водѣ, получается глазурная муть. Глиняную посуду обмакиваютъ въ нее и ставятъ въ печь. Глина всасываетъ воду, а распущенный въ водѣ порошокъ расплавляется отъ дѣйствія теплоты и покрываетъ поверхность посуды тонкимъ слоемъ стекла. Отъ этого посуда становится блестящею.

— Дядя! А какъ раскрашиваютъ посуду?—спросила Оля.

— Очень просто, отвѣтилъ дядя. Развели на анисовомъ маслѣ особыя краски для стекла и рисовали ими на чашкѣ кисточкой такъ-же, какъ масляными красками. Раскрашенную посуду обжигали затѣмъ въ особой печкѣ, которая называется муфелемъ. Отъ этого краски на посудѣ расплавились и остались навсегда.

Если же хотятъ, чтобы посуда вся была одноцвѣтная, то подсыпаютъ въ глазурь краску, чаще всего окиси кобальта, желѣза и мѣди. Отъ окиси кобальта посуда будетъ голубого цвѣта, отъ окиси желѣза—желтаго, и отъ закиси мѣди—краснаго, отъ смѣси-же желтыхъ и синихъ веществъ зеленаго и т. д.

— А изъ чего, дядя, дѣлаются кирпичи? спросилъ Жоржикъ.—То же изъ глины?

— Да, отвѣтилъ дядя, — только кирпичи, кувшины и горшки выдѣлываются изъ грубой глины. Столовая же и чайная посуда изъ лучшей глины, бѣлой, которая называется иначе фарфоровою.

— Отчего же, дядя, глиняные горшки зеленые или коричневыя, а не красныя, какъ кирпичи?

— Это отъ такъ называемой поливы. Полива дѣлается очень просто: сдѣлавъ горшокъ, рабочій обмазываетъ его внутри и снаружи краснымъ порошкомъ, который называется сурикомъ, или же разбалтываетъ его въ водѣ, обмакиваетъ въ ней горшокъ, и затѣмъ ставитъ его въ печь. Отъ дѣйствія жара сурикъ расплавляется и покрываетъ горшокъ зеленой стекловидной пленкой. А если при этомъ посуду обхватитъ дымомъ, то онъ становится уже не зеленого цвѣта, а коричневаго.

— А вы слышали, дѣтки, — встала Эмилія Карловна, — что есть дикари, которые за неимѣніемъ рыбы во время разлитія рѣкъ ѣдятъ жирную глину, смачивая ее водою? Каждый съѣдаетъ по фунту глины въ день. Дикари эти живутъ по берегамъ рѣки Ориноко.

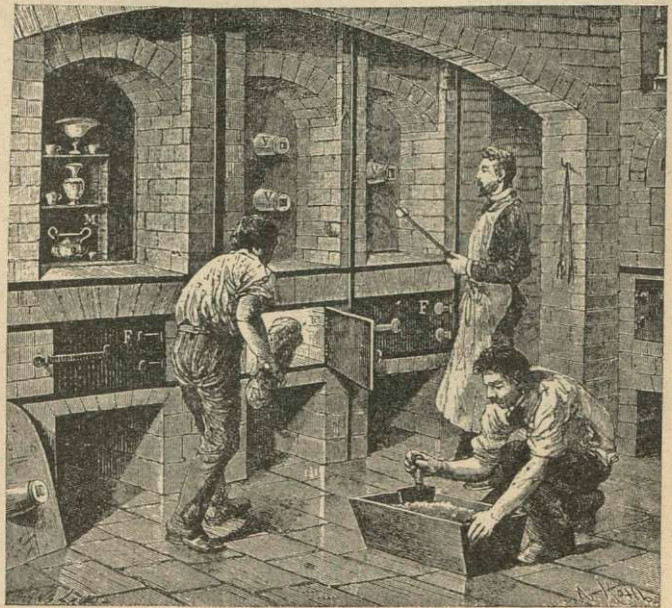
— Да, да, — подтвердилъ и дядя Володя. — И жители береговъ рѣки Магдалены, гвинейцы, перуанцы, жители Новой Каледоніи тоже питаются глиной. Потомъ тунгузы въ Сибири, камчадалы, даже русскіе, которые тамъ живутъ, тоже, когда рыба плохо ловится, ѣдятъ такъ называемую текущую глину. Такая глина называется съѣдобною землею.

— Вотъ ужасъ-то! воскликнула Оля. — Я ни за что, ни за что не стала бы ѣсть пирожковъ изъ глины.

— Да тебѣ никто глины и не предлагаетъ! — засмѣялся дядя и, поблагодаривъ Эмилію Карловну за чай, ушелъ на службу.

А дѣти остались одни и еще долго думали о кусочкахъ глины и горсткахъ песку.

В. Ө. Смѣльская.

Печь для обжиганія посуды.

КАТЯ И СОЛДАТЪ.

Одинъ старый солдатъ, съ деревяшкой вмѣсто ноги, шелъ однажды черезъ деревню, но заболѣлъ и слегъ. Знакомыхъ у него тамъ не было, денегъ то-

дочь такого-же бѣдняка, какъ и солдатъ. Ее тронулъ видъ больного и съ этихъ поръ она стала приходить къ нему каждый день и всякій разъ приносила ему нѣсколько копѣекъ.

Наконецъ солдатъ съ тономъ безпокойства спросилъ ее:

— Дитя мое, вѣдь твой отецъ и мать такъ-же бѣдны, какъ и я. Скажи мнѣ откровенно, откуда ты берешь эти деньги? Я лучше умру съ голоду, чѣмъ приму отъ тебя деньги, которыми ты добываешь нищенствомъ.

— Успокойся, отвѣтила ему дѣвочка.—Эти деньги мои и больше ничьи. Я каждый день хожу въ соседнее село учиться въ школу и, проходя черезъ лѣсъ, набираю тамъ ягодъ. Съ ягодами я бѣгу на станцію къ поѣзду, продаю ихъ пассажирамъ, и вотъ приношу деньги тебѣ. Мои родители отлично знаютъ, откуда я беру эти деньги и кому ихъ отдаю, и не мѣшаютъ мнѣ. Они говорятъ, что какъ мы ни бѣдны, а все есть люди побѣднѣе насъ, и, чѣмъ только можно, нужно имъ помогать.

У солдата показались на глазахъ слезы.

— Милая моя! — воскликнулъ онъ. Пусть тебя не забудетъ Богъ! Черезъ нѣсколько времени черезъ эту-же деревню проѣзжалъ знатный генералъ, весь въ лентахъ и орденнахъ. Что-то случилось у него съ

Скажи мнѣ откровенно, откуда ты берешь эти деньги?

же не было и ему пришлось помѣститься гдѣ-то въ хлѣву на гнилой соломѣ. На него жалко было смотрѣть.

Случайно проходила мимо Катя,

каретой, такъ что ему пришлось вы-
лѣзти изъ нея и ожидать, пока ее
починятъ. Ему доложили, что здѣсь
есть одинъ больной солдатъ, нуж-
дающійся въ помощи.

Генераль тотчасъ-же самъ отпра-
вился въ хлѣвъ, чтобы лично при-
нять участіе въ солдатѣ.

— Давно-ли ты здѣсь лежишь?—
спросилъ его генераль.

— Да вотъ ужъ десятый день,
ваше превосходительство... отвѣтилъ
ему солдатъ.

— Кто-же тебя кормитъ?

Солдатъ рассказалъ ему, какъ ма-
ленькая дѣвочка собираетъ въ лѣсу
ягоды, продастъ ихъ на станціи пас-
сажирамъ и деньги приноситъ ему.

— Какъ!—воскликнулъ генераль.—
Такая бѣдная дѣвочка и отдаетъ
тебѣ послѣднее!

И, приказавъ отвезти солдата въ
больницу и снабдивъ его письмомъ
къ доктору и деньгами на леченіе,
генераль отправился къ родителямъ
Кати. Когда онъ вошелъ въ ихъ
бѣдную лачугу, то Катя сидѣла у
печи и чистила картошку.

— Милая дѣвочка!—обратился къ
ней генераль.—Твоя доброта рас-

трогала меня до слезъ. Ты поступила
лучше, чѣмъ всѣ большіе, и отда-
вала больному то, что зарабатывала
своимъ трудомъ. Много здѣсь людей
и побогаче тебя, да вотъ никто изъ
нихъ не обратилъ вниманія на бѣд-
наго больного. Возьми-же себѣ вотъ
эти деньги и пусть они будутъ тебѣ
вознагражденіемъ за твою доброту!

И онъ вытащилъ изъ бумажника
сто-рублевую бумажку и протянулъ
ее къ дѣвочкѣ.

— Что вы, что вы, ваше превос-
ходите льство!—воскликнули вдругъ
въ удивленіи ея отецъ и мать.—
Развѣ-жъ можно баловать такими
деньгами ребенка? За что ей ихъ да-
вать? Трудно-ли набрать ягодъ въ
лѣсу, да снести на станцію продать?
А помогать бѣдному, да еще боль-
ному, долженъ всякій. Не надо, не
надо намъ этихъ денегъ! Напрасно
вы изволите беспокоиться!

Но генераль оставался непрекло-
ненъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ.—Пусть она
возьметъ ихъ.—Это я плачу ей долгъ
вмѣсто солдата.

И положивъ деньги на столъ, гене-
раль сѣлъ въ карету и уѣхалъ. С.

АРИМОГРАФЪ № 7.

Слово состоитъ изъ 11 буквъ:
1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. Буквы
4. 5. 10. 5. 6. 11—означаютъ хищную
птицу, 1. 5. 3. 2—цвѣтокъ, 10. 9. 6.
7. 10. 2—маленькую рыбку, 4. 9. 8.

7. 10. 2—предметъ, необходимый при
стиркѣ бѣлья. 10. 5. 1. 5. 8. 2—го-
ловной уборъ королей, 1. 9. 3. 2—
одѣяніе духовенства. 9. 10. 1. 2—
вкусное кушанье изъ рыбы, 6. 5. 4.

5. 4. 7. — рыбу, похожую на семгу.
 10. 5. 1. 3. 9. 8. 2—предметъ, необходимый при собираніи грибовъ и стиркѣ бѣлья, 10. 9. 3. 9. 6. 7—кислую ягоду, 6. 2. 4. 10. 2—звѣрька, 10. 1. 5. 6. 9. 10. 11—домашнее длинноухое животное, 4. 5. 6. 5. 8. 9. 8. 2—мясо подь соусомъ изъ картофеля и хрѣна, 10. 2. 3. 2. 10. 11—верхового солдата, 10. 6. 9. 8. 9. 10. 2—больницу.

Найти всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ супъ.

ГОЛОВОЛОМКА.

Изъ каждой изъ нижеслѣдующихъ фразъ взять только по одному слову и составить изъ этихъ словъ фразу, которой начинается очень извѣстная басня Крылова:

1) Воронѣ не надо улетать на зиму въ теплыя страны.

2) Вдали гдѣ-то защелкалъ соловей.

3) Сохрани васъ Богъ отъ всего дурного!

4) На этой недѣлѣ я послалъ вамъ книгу.

5) Вотъ потроха, вотъ стерляди кусочекъ!

6) Эта работница дѣлаетъ очень много сыру.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ариомографъ № 7 и головоломку, будутъ напечатаны въ слѣдующемъ №).

Разгадка шарады № 9: Гимнъ + Азія = Гимназія.

Рѣшеніе задачи № 5: раки, игра, гротъ, армія. Задуманное слово—Рига.

Рѣшеніе головоломки (изъ № 10-го): 1)... пла + тина. 2)... оло + во... 3)... же + лѣзь + о... =

= желѣзо. 4)... се + ребро. 5) ста + ль... 6) рту + ть...

Рѣшеніе ариомографъ № 4. Рынокъ, жиръ, коврикъ, вино, крикъ, книжникъ, рыжикъ, ножъ, нырокъ. Задуманное слово—крыжовникъ.

Шараду, задачу, головоломку и ариомографъ вѣрно рѣшили: Шета Мякишева въ Севастополѣ, Зоя Оболенская въ Могилевѣ, Борисъ Спѣшевъ въ Спб., Ѳ. Прилежаева въ Валдаѣ, Котя и Катя Николаевы, Коля Скородумовъ, Таня и Оля Беръ во Владимірѣ, И. Чернеръ въ Миргородѣ, Шура и Лиза Громы въ усадьбѣ Васильково, Ѳеда Альтгаузенъ въ Спб., Миша Ефремовъ въ Сумахъ, Андрюша Петровъ въ Череповцѣ, Володя Новиковъ въ Спб., Наташа Бѣлоножкина въ Спб., Юля Пяткова въ Харьковѣ, Надя Панафутина въ Н.-Новгородѣ, Шура Калиновскій въ Елисаветградѣ, Павликъ и Настенька Пршеменскіе въ Кипиневѣ, Георгій Селиновъ—ученикъ гимназіи В. Ѳ. Ѳедоровой, Катя Сербова въ Кронштадтѣ, Андрюша Ѳедотовъ—донской казачекъ, Александръ Браиловскій, Боря Гельцеръ, Володя Мазуркевичъ, Митя Новицкій въ Ахтыркѣ, Аля Гедике въ Земчинѣ, Коля Даниловъ въ Саратовѣ.

Вѣрно рѣшеніе задачи, головоломки и ариомографъ прислали: К. Ротманъ въ Армавирѣ, Сережа Цуриковъ, Шура Смольянинова и Марія Митяева, Настя и Лена Костины въ Спб., Г. Теръ-Григоріанцъ въ Спб., Ната Дитяткина въ Ст.-Руссѣ, Сережа Коммиссаровъ, Галочка и Олечка Баженовы въ Харьковѣ, Шура Корчагинъ въ Спб., Анна Хвостова въ Вологдѣ, Н. Ильинъ въ Старомъ-Петергофѣ, Шура Романчукъ и Валя Александрова, Гриша Годикъ въ Фастовѣ.

Шараду и ариомографъ вѣрно рѣшили: Валентина Гончарова—Дарь-Надежда.

Задачу вѣрно рѣшили: Рафаилъ Гринбергъ въ Бобринцѣ, Нина Бойчевская въ Саратовѣ, М. Дроздовъ, Тоня Попова въ Гатчинѣ, Нина Гаккель въ Гатчинѣ.

Задачу и ариомографъ вѣрно рѣшили: Эмилъ Вульфъ въ Бобринцѣ, А. Куренковъ въ Спб., Елена Любимова.

Задачу и шараду вѣрно рѣшили: Боря Максимовъ, Ф. Минковскій въ Сосновицахъ, Миша Колбасевъ въ Гатчинѣ.

Задачу и головоломку вѣрно рѣшили: Дина и Роза Окунь въ Гамбургѣ (Германія), Шура Тихоміровъ, Саша Королько въ Спб.

Ариомографъ вѣрно рѣшил: Женя Браиловскій.

Шараду и головоломку вѣрно рѣшили: братъ и сестра Кузьмины въ Бугурусланѣ.

